

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО АЛЬЯНСА В РОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

В статье показаны факторы формирования, эволюции и способы репрезентации образа Франции как союзницы в условиях участия России в Первой мировой войне. Описаны основные проявления пропагандистского дискурса, характеризующего Францию и русско-французский союз как составляющую Тройственного соглашения. Показаны разнообразие дискурсов прессы в оценках Франции, ее роли в войне и в составе Антанты. Проанализированы причины критических настроений в отношении союзников, в том числе Франции, в российском обществе, и их проявления в общественно-политическом дискурсе, публикациях прессы. Охарактеризованы проявления трансформации восприятия союзной Франции и отношений с ней в условиях Революции 1917 г.

Ключевые слова: Русско-французский альянс; Франция; Первая мировая война; российская пропаганда; образ союзника.

Первая мировая война породила феномен политической мобилизации воюющих обществ, обусловленный как тотальным характером конфликта, так и новыми возможностями воздействия на сознание населения посредством официальной и неправительственной пропаганды. Создатель теории пропаганды Г. Лассуэлл отмечал, что «во время войны пришлось убедиться, что мобилизация людей и средств оказалась недостаточной. Потребовалась мобилизация мнений» [9, с. 31]. Значительную роль в «мобилизации мнений» играла пресса, газеты накануне и в годы Первой мировой войны служили основным источником внешнеполитической информации не только для города, но и в значительной мере для деревни, были важнейшим каналом проникновения в широкие слои населения и средством формирования внешнеполитических

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия»)

стереотипов. Распространение грамотности, политизация населения привели к тому, что дешевые массовые газеты, рассчитанные на широкие читательские слои, стали расходиться огромными тиражами. В годы Первой мировой войны выходило 856 наименований изданий легальной прессы с разовым тиражом 2,7 млн экземпляров [7, с. 74]. Массовые газеты транслировали целый спектр представлений о действиях, мотивах и свойствах союзных государств и народов, их отношениях с Россией. Это в полной мере относилось и к союзной Франции. Пресса формировала и закрепляла определенные символы-мифы общественного сознания, их устойчивость во многом зависела от хода событий, влияния социокультурных факторов.

Изучение военной пропаганды в России и на Западе показало, что обоснование войны во всех странах базировалось на мифологии политических режимов и «национальных ценностей», в каждой стране сложился особый механизм пропаганды, но ее «техника» имела универсальные черты, слова превратились в оружие, велась «война образов», «война идентичностей» [9, 20, 21, 22, 23, 24, 25]. Специфику российской официальной пропаганды, процессов мобилизации массового сознания и общественного мнения убедительно показали Ф. Ян Хубертус, Е. С. Сенявская, А. Б. Астахов [2, 17, 21]. Репрезентации союзника в пропаганде, формирование и эволюция образа союзника и, в частности, Франции, в сознании российского общества, военно-техническое, дипломатическое, культурное сотрудничество России и Франции в годы Первой мировой войны стали предметом специальных исследований [3, 5, 6, 12, 13 и др.].

Франция была одним из основных союзников России по Антанте в годы Первой мировой войны, активное сближение с которой происходило уже с 90-х гг. XIX в. Накануне Первой мировой войны восторженное увлечение страной и ее народом в период первого сближения во время взаимных визитов 1890-х гг. уступило место восприятию российским обществом Франции как надежного союзника, которому можно доверять, а французов как народа — близкого по духу и обладающего несомненными достоинствами. Однако отношения с французским союзником не были безоблачными, ис-

пытывая «взлеты и падения» под влиянием международной конъюнктуры, кризисов и взаимных противоречий. Противоречив и неоднозначен, как показал Е. Ю. Сергеев, был образ французского союзника накануне войны в сознании российской военной элиты. В представлениях офицеров Генерального штаба, военных атташе Российской империи, складывался образ «нестойкого, а потому ненадежного союзника, командные кадры которого к тому же заражены идеями социализма и пацифизма, а высшие офицеры — члены масонских лож» [18, с. 203].

После вступления России в Первую мировую войну представления о русско-французском союзе стали составляющей системы идей о справедливости целей Антанты. Франция стала изображаться в пропаганде как благородный и самоотверженный борец с германской агрессией, за общесоюзническое дело, освобождение угнетенных народов, как надежный союзник России. Такого рода оценки озвучивал Николай II, в первые дни войны говоривший французскому послу М. Палеологу: «Я хотел выразить вам всю свою благодарность, все свое удивление перед вашей страной. Показав себя столь верной союзницей, Франция дала миру незабвенный пример патриотизма и лояльности», «я всегда верил слову Франции» [14, с. 62]. Уже 20 июля (2 августа), до получения известия об официальном объявлении войны Германией Франции, на приеме у Николая II представителей Государственной Думы и Государственного Совета в Зимнем дворце звучали возгласы «Да здравствует Франция» [Там же, с. 57]. Позиция элиты резонировала с широкими общественными настроениями. После получения официальных известий о вступлении Франции в войну 4 августа, как вспоминает М. Палеолог, «весь день перед посольством проходили шествия с флагами, иконами, при криках «Да здравствует Франция!» [Там же, с. 60].

Концепция справедливой освободительной войны тиражировалась в печати, в том числе ежедневных газетах, излагалась в специальных популярных брошюрах, выходивших в издательствах товариществ И. Д. Сытина, И. Н. Кушнерова и др., в лубочной литературе, кинематографе, театре, разъяснялась с амвонов церковью. Широко распространившиеся в стране в начале войны

представления о ней как борьбе с германской агрессией, угрожающей миру и самому существованию народов, делали союзников в глазах русского общества борцами за общее правое дело.

Союзническая солидарность, передовой опыт мобилизации материальных и духовных ресурсов на нужды фронта стали темами публикаций ежедневной прессы, обращенной к широкой читательской аудитории. Со своей стороны, союзники, в частности, Франция, широко использовали созданные в России пропагандистские структуры для снабжения российских средств массовой информации необходимыми для укрепления боевого духа материалами. Только в июле 1916 г. французская пропагандистская организация направила в прессу Петрограда и Москвы 23 материала и 153 — в провинциальную прессу [12, с. 89].

Популярной темой публикаций стали культурные достижения Франции, которые характеризовались в контексте разных сюжетов: о ее борьбе за Египет, о роли женщин в истории страны и ходе современной войны и т. д. И. О. Левин, говоря об экспедиции Наполеона в Египте, отмечал, что она «оказалась неудачной лишь в политическом отношении. В научном же и культурном отношении она дала блестящие результаты. Наполеона сопровождали французские ученые и инженеры. Французами было тогда положено начало науки чтения иероглифов, их инженеры стали изучать способы улучшения системы орошения Египта и делали, в соответствии с предписанием Директории, изыскания для прорытия Суэцкого перешейка» [Русская мысль. 1916. Кн. 2. С. 2]. С. Франк высоко оценивал состояние духовной жизни страны в условиях войны: «Наблюдатели современной французской жизни отмечают единогласно один отрядный и ценный факт: война, захватившая все французское общество, не только не понизила духовную жизнь Франции, но, наоборот, содействовала ее подъему» [Русская мысль. 1916. Кн. 1. С. 12].

Одной из важных тем пропагандистского дискурса стало участие французских женщин в усилиях «домашнего фронта». В журнале «Русская мысль» в статье М. Лот-Бородиной «Французская женщина перед лицом войны» приводились данные об участии женщин в «мобилизации тыла», их самоотверженной работе в усло-

виях войны. Автор заключает: «Величайшая слава французских женщин — в безмолвном принятии и исполнении патриотического долга. Их подвиг — подвиг самоотречения во имя высшего идеала» [Русская мысль, 1916, Кн. 4, с. 78]. В публикации «Нового времени» подчеркивалась особая роль женщин во французской истории: «Едва ли найдется в истории другой народ, в прошлом которого женщина играла бы такую роль, как во всех славных и трагических перипетиях великой галльской нации, сумевшей выдвинуть незабываемый в своей яркости тип подруги и помощницы, равно незаменимой на всех степенях общественного положения и одинаково деятельной в минуты радости и горя». [Новое время, 1916, 15 (28) октября, с. 6–7].

Успехи союзников в налаживании работы тыла часто противопоставлялись в прессе недостаткам в этой сфере в России. Так, анализ роста цен во Франции и Англии позволил публицисту «Нового времени» сделать заключение, что союзники более успешно решают экономические и социальные проблемы: «Из приведенных цифр французского и английского журналов явствует с полной очевидностью, что союзники не испытывают того бешеного поднятия цен решительно на все категории необходимых для жизни предметов, какое переживаем мы» [Новое время. 1916. 15 (28) октября. С. 10].

В прессе не только давалась информация о боевых победах союзников, но и с симпатией рисовался образ воина союзных армий. В одной из статей «Нового времени» описывалась организация окопной жизни французами: «Жизнерадостные французы не забыли также и о развлечениях... устраиваются импровизированные театры и кабаре. Солдаты-художники рисуют декорации, солдаты-актеры выступают на эстраде. По фронту раскинуто свыше сотни подобных театриков [Новое время, 1916, 2 (15) июля, с. 12]. Б. Савинков, наблюдавший в 1914–1916 гг. французов на Западном фронте и опубликовавший книгу под псевдонимом «Ропшин» в 1917 и 1918 гг., говорил в ней и о довоенных предрассудках у многих русских в отношении французов и об их преодолении: «в один год “легкомысленные мещане” превратились в закаленных бойцов»... «И не потому ли во Франции рождались Делакура

и Мюссе, что французский дух — *дух мужества и свободы?*» — восклищал автор [16, 1918, с. 5–6].

Образ союзника визуализировался: в частности, в России были изданы открытки с изображением солдат в форме стран Антанты с текстами государственных гимнов [6, с. 111–112]. В серии аллегорических фигур А. К. Денисова-Уральского «Из воюющих держав», представленных на выставке в Петрограде 5 марта 1916 г., Франция была представлена в традиционном образе Марианны [4, с. 228]. В образах этой серии, как отмечает Л. А. Будрина, нашел воплощение язык газетной и плакатной графики того времени [Там же, с. 226].

Несмотря на усилия пропаганды, образ союзника претерпевал изменения под влиянием хода военных действий. Сдвиги в общественных настроениях в отношении Франции обозначились уже после катастрофы в Восточной Пруссии. Возникло представление о жертве, принесенной Россией для спасения Франции. В декабре 1914 г. М. Палеолог записал: «До меня доходит с разных сторон, что в интеллигентской и либеральной среде высказываются по отношению к Франции с таким же недоброжелательством, как и несправедливостью [14, с. 138]. Французский посол зафиксировал фразу, произнесенную министром иностранных дел С. Д. Сазоновым 30 августа 1914 г., после получения известий о разгроме русской армии при Сольдау: «Мы должны были принести эту жертву Франции, которая показала себя такой верной союзницей» [Там же, с. 94].

В период «великого отступления» русской армии недовольство союзниками проявлялось на всех уровнях военной иерархии, в том числе в Ставке. 18 июля 1915 г. в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» была опубликована статья, в которой союзники резко критиковались за бездеятельность в то время, когда русской армии приходилось выдерживать главный удар Германского блока. В ней также говорилось о разногласиях между союзниками по вопросам о средствах достижения общей цели, распределении плодов будущей победы, в частности, Константинополе и проливах. Утверждалось, что невозможно опровергнуть публикации немецкой печати о том, что Англия и Франция преследуют свои особые

интересы в Дарданеллах и на Босфоре, «предоставив одной России справляться с нападением соединенных неприятельских армий». В газете говорилось: «Французы и англичане будто бы сознательно берегут свои силы на западном фронте, довольствуясь обороною и частичными наступлениями, в то время как главные массы австро-германских войск обрушились всею своею тяжестью на Россию. Наши союзники относятся будто бы довольно равнодушно к ходу военных дел на русской границе и не стараются вовсе облегчить наше трудное положение своевременными энергическими наступательными действиями» [Биржевые ведомости. 1915. 18 (31) июля, утренний выпуск].

Французский офицер майор Ж. Ланглуа, неоднократно посещавший Россию, во время своего визита в июне 1915 г. отмечал полное непонимание русским общественным мнением значимости военных усилий союзников. За несколько месяцев, по его словам, критическое отношение к союзникам приобрело опасный размах. В обществе и в армии укреплялось мнение о намеренной пассивности французской и британской армий, не желавших предпринимать усилия для облегчения положения России [12, с. 88].

Недоверие, непонимание мотивов друг друга, односторонние трактовки причин побед и поражений, характеризующиеся преувеличением роли своей страны и недооценкой роли союзников, были общей чертой межсоюзнических отношений [6, с. 139–140]. Разочарование в союзниках, однако, в меньшей степени затронуло Францию, чем Великобританию, т. к. на территории Франции также, как и России, велись боевые действия и ее гражданское население страдало от «германских зверств».

Публикации прессы в ряде случаев прямо или косвенно отражали недовольство Великобританией и солидарность с позицией Франции, на основе их противопоставления. Так, в одной из статей «Русской мысли», посвященной книге француза Андре Чевриллона, отмечалось: «Как француз, он [Андре Чевриллон — О.П.] в конце первого года войны почувствовал себя зараженным глухим недовольством континента [курсив мой — О.П.] на медлительность военных приготовлений своей островной союзницы», говорилось о нежелании Великобритании до войны открыто присоединиться

к русско-французскому блоку: «Союзники не без основания склонны считать, что Англия одна могла предотвратить катастрофу, если бы с самого начала определенно дала понять немцам, что будет в числе их врагов» [Русская мысль». 1916. Кн. 12. С. 9, 10].

Предметом обсуждения в прессе было соотношение сил внутри Тройственного соглашения. Проявлялось отношение к Франции, людской потенциал которой был ограничен, а экономический уступал Великобритании, как ко второму по значению союзнику по коалиции, несмотря на большую симпатию к этой стране. В одной из публикаций «Дела» об этом говорилось прямо: «Франция играет не руководящую, а подчиненную роль. Она находится скорее только в свите настоящих великих держав — России и Англии. Ее военные силы далеко отстают от наших и английских, а политическое влияние теперь больше, чем когда бы то ни было, измеряется пропорционально материальным силам» [Дело. 1916. № 5–6, с. 82]. В демократическом журнале «Современник», объединявшем широкие круги левой интеллигенции, в октябре 1915 г. отмечалась усталость французов от войны и ставился вопрос о возможном изменении под ее влиянием их национального характера: «не следует ли считать уже и теперь отошедшую в область предания «веселую Францию» и не идет ли на смену последней Франция, серьезно задумывающаяся над новыми формами своего бытия?» [Современник. 1915. № 10. С. 339]. В журнале обсуждался «упадок» парламентаризма и экономический кризис во Франции [Там же, с. 212–228]. Оживление оппозиционного общественного движения во Франции с середины 1916 г. также не осталось незамеченным в демократической прессе. Предметом обсуждения были растущие противоречия во французском обществе по вопросу о целях войны, активизация социалистического и пацифистского движения [Дело. 1916. № 7–8. С. 94–95].

Противоречивые последствия тесного экономического взаимодействия с союзниками были предметом обсуждения в либеральной и консервативной печати. В частности, дискутировалась проблема экспансии не только капитала, но и рабочей силы Англии и Франции в российскую экономику, что создавало угрозу усиления экономической зависимости от союзников, ущемляло интере-

сы национальной буржуазии и русских рабочих. В кадетской газете «Речь» в статье «Печать об экономическом сближении с союзниками» давался обзор точек зрения по вопросу, в том числе критических. Цитировался, в частности, правый орган «День», в котором говорилось: «необходимо, чтобы Россия не попала вместо немецкого капитала под власть какого-либо другого. Как говорил г. Крестовников в Государственном Совете, Россия является для наших союзников лакомым кусочком [курсив мой — О.П.] и все... опасаются, как бы не были принесены в жертву интересы России» [Речь. 1916. 3 (16) апреля]. Вступая в полемику с этой, весьма распространенной, точкой зрения, либеральная «Речь» высказывалась в пользу англо-французского капитала, так как, по ее мнению, «немецкий купец обозначает собой политическое воздействие в неизмеримо большей степени, чем французский или английский» [Речь. 1916. 3 (16) апреля].

Наиболее активные сторонники тесного сотрудничества с союзниками, кадеты, в марте 1916 г. опубликовали «Воззвание партии народной свободы» — призыв к населению, принятый на ее VI съезде. Отмечая факт затягивания мировой войны, «Воззвание» призывало к вере в победу в союзе с Англией и Францией, исходя из того, что у России нет другого выбора в этой войне. Победа вместе с союзниками связывалась в «Возвании» и с перспективой демократического переустройства России: «Дело отпора врага неразрывно связано с делом нашего внутреннего устройства... только опираясь на твердую волю страны победить, можно осуществить эту цель и устранить на ее пути все препятствия» [Зауральский край. 1916. 2 марта].

Падение монархии в результате Февральской революции 1917 г. породило в русском обществе надежды на скорое победоносное окончание войны в союзе с «западными демократиями». В первые после революции недели 1917 г. вновь, как и в начале войны, поднялась волна военного энтузиазма, составляющей которого были выражения чувств солидарности с союзниками, в том числе — с союзной Францией. Формами их проявления были не только демонстрации, митинги и собрания, принимавшие резолюции о войне до победы над кайзеровской Германией совместно с союзниками,

но и овации французскому и английскому послам, устраивавшиеся на улицах Петрограда [14, с. 347].

Новая политическая реальность революционной России, однако, была чревата целым рядом противоречий в отношениях с союзниками, в том числе с союзной Францией, исходившей из идеи неизменности целей и идеалов стран Согласия. В Ноте французского правительства, принятой в ответ на Декларацию Временного правительства от 27 марта, где констатировался отказ от захватнических целей войны, содержались положения, выявлявшие серьезные расхождения в понимании условий окончания войны. В Ноте говорилось: «Франция не помышляет притеснять ни одного народа..., но она желает, чтобы гнет, так долго тяготевший над миром, был, наконец, уничтожен, и чтобы были наказаны те, кто содеяли преступления, покрывшие позором наших врагов в этой войне» [Вестник Европы. 1917. № 4–6, с. 695]. В ней говорилось о желании прийти к соглашению с Россией об условиях окончания войны «путем изучения и установления, с общего согласия, условий, при которых союзники могут рассчитывать на достижение окончательного решения, согласованного с теми идеями, которыми они руководились при ведении настоящей войны» [Там же, с. 696].

Союзники стремились удержать Россию в войне, обеспечить сохранение «патриотического духа» и боеспособности русской армии. С этой целью в Россию направлялись делегации социалистов стран Антанты, как члены союзных правительств, так и левые депутаты парламентов. Одним из них был министр вооружений правительства Франции социалист Альбер Тома. В мае 1917 г. ему было присвоено звание «Почетного гражданина Москвы» «в знак выражения безграничного уважения к личности Альбера Тома» и, как говорилось в Постановлении московской Думы, «чувства живейшей симпатии и восторга перед героической Францией, союзницей и испытанным другом России» [1, с. 273]. По инициативе Альбера Тома была сформирована единая информационно-пропагандистская служба союзников, развернувшая масштабную деятельность по созданию и распространению в России разнообразных агитационных материалов [12, с. 91–92].

Временное правительство отстаивало стратегию наступления на фронте и противостояния Германии в единстве с союзниками, лидеры умеренных социалистов также полагали, что Россия без союзников ни продолжать войны, ни выйти из нее не может. Представители либеральных, цензовых кругов, часть интеллигенции исходили из идеи неизменности освободительных целей Антанты, а Франция оставалась в их глазах верным союзником России в ее борьбе с германским милитаризмом [Речь. 1917. 5 (18) мая; Зауральский край. 1917. 26 апреля, 11 мая]. Про-союзническую пропаганду, в соответствии с позицией Временного правительства и собственными убеждениями вели публицисты «Русского слова», «Речи», «Биржевых ведомостей», «Нового времени». В последнем по-прежнему публиковались статьи, прославляющие мужество и стойкость воинов союзных армий. Идеал мужественности просматривается в изображении «сильного духом» воина-француза: «Глаза точно углубились и зорко смотрят из-под сдвинувшихся бровей. Эти глаза видели смерть, и она наложила на них свою великую печать» [Новое время, 1917, 27 августа (9 сентября), с. 4].

Оценивая действенность официальной российской пропаганды в условиях войны, Е. С. Сениявская справедливо отметила, что непонимание массами целей России и ее союзников в войне было связано не только с неэффективностью пропагандистского аппарата, но и, в конечном счете, упиралось в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения [17, с. 65]. Позиция сторонников продолжения войны в союзе с западными демократиями диссонировала с настроениями солдат, рабочих и крестьян. Летом-осенью 1917 г. доминантами массовых настроений стали усталость от войны, стремление к скорейшему демократическому миру. Составляющей данного процесса была эскалация ненависти к союзникам, олицетворением которых становилась «союзная буржуазия». Если до апреля 1917 г. к Франции в массах преобладало позитивное отношение, то после апрельского кризиса негативизм затронул и эту страну [15, с. 48–50].

Активную антисоюзническую, в том числе антифранцузскую, пропаганду вели большевики, руководствовавшиеся идеями вернувшегося из эмиграции Ленина. Франция, как и Англия,

рассматривалась как оплот мирового капитализма, заинтересованного в продолжении войны, а зависимость от союзников российского капитала — как одно из важнейших препятствий прекращения войны. В обличительном пафосе Ленина, направленном против Временного правительства и его внешней политики, обвинения в адрес союзниц занимали центральное место [11, с. 153, 10, с. 212].

Фактическое перемирие на русском фронте, отступление русских войск воспринимались в самой Франции, понесшей значительные потери в войне, как предательство общего дела, проявление малодушия и деморализации. Эта позиция была отражена в «Политическом обозрении» «Вестника Европы» в августе 1917 г., где говорилось, что «парижский “Temps” видит в оставлении Риги не только военную, но и моральную катастрофу», что во Франции все более распространяется взгляд, что бесполезно рассчитывать на дальнейшее участие России в войне, что не следует уже оказывать ей какую-либо поддержку или принимать во внимание ее интересы, а надо предоставить Россию собственной ее судьбе [Вестник Европы. 1917. № 7–8. С. 402–404].

С другой стороны, в России представления о ее односторонней жертвенности в интересах союзников, бытовавшие еще до Революции, приобрели широкий размах. Они были порождены накоплением претензий и обид по отношению к союзникам, усталостью от войны, усугублением противоречий в видении перспектив войны и мира, антисоюзнической пропагандой левых социалистов. Помимо этих общих причин ухудшению отношений с Францией способствовало тяжелое положение частей Русского экспедиционного корпуса. Разочарование в союзниках испытывали даже убежденные приверженцы дела Антанты. Так, лидер кадетской партии А. В. Тыркова записала в дневнике 27 января 1918 г.: «Я не хочу быть под чьим бы то ни было протекторатом, даже союзников» [19, с. 213–214]. Незадолго до Октябрьской революции француз, капитан де Шевильи, направленный в Россию для решения пропагандистских задач, написал в докладе министру иностранных дел Франции о том, что продолжать агитировать русское общество за активное продолжение войны не только бесполезно, но и опас-

но. Он отмечал, что попытка внушить то, что резко противоречило настроению большинства, принесла бы прямо противоположный ожидаемому результат [12, с. 92].

После заключения советской Россией Брестского мира образ Франции, как бывшего союзника по Антанте, стал влетаться в систему представлений гражданской войны.

Список литературы

1. Акуленко И. В. Почетное гражданство в истории Москвы // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2017 Т. 4. № 3. С. 266–281.
2. Асташов А. Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
3. Бодров А. В. Формирование системы военно-технического сотрудничества России и Франции в 1915 г. // Великая война 1914–1918. Вып. 3. М., 2013. С. 42–48.
4. Будрина Л. А. Страницы творчества А. К. Денисова-Уральского // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 221–230.
5. Галкина Ю. М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны. Дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 211 с.
6. Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 391 с.
7. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917. Краткий очерк. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. 88 с.
8. Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 266 с.
9. Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. Н. М. Потапова. М. – Л.: Государственное издательство, 1929. 199 с.
10. Ленин В. И. Война и Временное правительство // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 211–213.
11. Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 149–186.
12. Павлов А. Ю. Война любой ценой! Французская пропаганда в России в 1917 г. // Новая и новейшая история. 2020. № 2. Том 64. С. 86–95.
13. Павлов А. Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: РХГА, 2019. 252 с.

14. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. 236 с.
15. Поршнева О. С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.
16. Ропшин В. Во Франции во время войны. Сент. 1914 — июнь 1915. Ч. 1. М.: Задруга, 1917. Ч. II. М.: Задруга, 1918. 176 с.
17. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.
18. Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М.: ИВИ РАН, 2001. 282 с.
19. Тыркова А. В. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма. М.: РОССПЭН, 2012. 1110 с.
20. Филиппова Т., Баратов П. «Враги России»: образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 271 с.
21. Hubertus Jahn F. Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca and London: Cornell University Press, 1995. 229 p.
22. Marquis A. G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. № 3. P. 488–490.
23. Norris S. M. A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006. 277 p.
24. Lohr E. The Russian Press and the 'Internal Peace' at the Beginning of World War I // A Call to Arms: Propaganda and public opinion in newspapers during the Great War / Ed. by Paddock T. Westport, Connecticut: Praeger, 2005. P. 91–114.
25. Stites R. Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914–1917 // European culture in the Great War. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 8–31.

Olga Porshneva,

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University, Chair of the Department of Theory and History of International Relations

REPRESENTATION OF THE RUSSIAN-FRENCH ALLIANCE IN THE RUSSIAN PROPAGANDA OF THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR

The article shows the factors of formation, evolution and ways of representing the image of France as an ally in the context of Russia's participation in the First World War. The main manifestations of the propaganda discourse that characterize France and the Russian-French alliance as a component of the Entente are described. The author shows the variety of press discourses depicting France, its role in the war and in the Entente. The reasons for critical sentiments towards the allies, including France, in Russian society, and their manifestations in socio-political discourse and press publications are analyzed. The manifestations of the transformation of the perception of allied France and relations with it in the conditions of the Revolution of 1917 are characterized.

Keywords: Russian-French alliance, France, World War I, Russian propaganda, the image of an Ally.